

СТРУКТУРНЫЙ И СИСТЕМНЫЙ СТАТУС КАТЕГОРИИ ИНТЕРРОГАТИВНОСТИ*

Аннотация. В статье рассматривается полевая организация функционально-семантической категории интеррогативности, которая определяется как моноцентрическая категория смешанного типа.

Ключевые слова: вопросительное предложение, категория интеррогативности, функционально-семантическое поле интеррогативности, ядро и периферия поля, моноцентрический тип функционально-семантической категории.

Изучение вопросительного предложения (ВП) на протяжении многих десятилетий является предметом особого внимания лингвистов. Один только перечень научной литературы составил бы многостраничный труд. ВП описаны с точки зрения структуры, семантики, стилистического употребления, роли в коммуникативном акте и др. Такая многоаспектность свидетельствует об их емкости, сложности и неоднозначности. Однако вопросительные конструкции существуют в языке и, прежде всего, в речи не сами по себе, а в определенном текстовом континууме, дискурсе, и требуют осмысления на более высоком – категориальном – уровне.

Чтобы утвердить за языковым явлением статус категории, необходимо учитывать, как минимум, три составляющие: семантику, реализацию в коммуникативной ситуации, структурную организацию. Если первые два компонента более или менее подробно рассмотрены, то структурный статус категории интеррогативности и ее статус на основе системных связей еще не изучен лингвистами (Попытка хоть как-то устранить этот недостаток предпринята в работе О.А. Малаховой [1]).

Под категорией интеррогативности мы понимаем часть общей антропоцентрической установки языка, двустороннее единство семантики запроса о неизвестном и системы равноуровневых средств ее выражения, представленное в виде функционально-семантического поля (ФСП) и опирающееся на интеррогативную коммуникативную ситуацию.

В контексте заявленной проблемы наиболее важной является та часть определе-

ния, где речь идет о полевой организации категории интеррогативности. В связи с этим возникают сразу несколько принципиальных вопросов, ответы на которые мы попытаемся представить.

Во-первых, можно ли отнести интеррогативность к категориям, организованным по принципу поля? Еще какое-то время назад ответ на этот вопрос был однозначно «нет». Такой взгляд был обусловлен пониманием самого принципа построения поля, точнее, формирования его ядра, основным конституентом которого выступает морфологическая категория. По этому принципу были выделены большинство описанных функционально-семантических категорий, в основе которых лежала та или иная морфологическая категория, выступающая как специализированное средство. Но подобная «узость» подхода оставляла за «бортом» лингвистического осмысления материал, в объективном существовании которого никому не приходилось сомневаться.

Отсюда возникла идея о возможности существования функционально-семантических категорий, где ядерным компонентом является не морфологическая, а синтаксическая парадигма, также выступающая в качестве специализированного средства и понимаемая как «система синтаксических структур, обладающих общим смысловым и/или функциональным синтаксическим признаком, модификации которого представлены в структурах, образующих систему» [2].

Синтаксические категории – это структуры, основывающиеся на противопоставлении форм и однородных значений. По мнению А.В. Бондарко, к ним относятся и оппозиции повествовательных и вопросительных конструкций [3].

В этом случае функционально-семантическая категория (ФСК) опирается не на формальные показатели морфологического характера, а, в первую очередь, на синтаксическую общность, основанную на близости выражаемых синтаксическими конструкциями синтаксических значений, представляющих собой обобщенное отражение отношений объективной действительности.

ВП обладает самым широким спектром функциональных характеристик – от

* © Логинов А.В.

собственно запроса информации до выражения приказаний, мольбы, констатации, возращения, эмоциональной реакции, иронического замечания и т. д. Способность ВП к реализации вторичных функций возможна тогда, когда в процессе коммуникативного акта первичная функция по ряду объективных или субъективных причин отступает на второй план, затушевывается и служит лишь фоном для реализации неинтеррогативных интенций.

Но, прежде всего, ВП характеризуется своей собственной категориальной семантикой, которая стоит в оппозиции семантике побуждения, просьбы, волеизъявления, бытийности и т. д. Это, во-первых, то, что отличает один тип языковой конструкции от другой на семантическом уровне, который реализует свое грамматическое оформление с помощью конкретных лексико-грамматических и интонационных средств. Инвариантное значение интеррогатива «выражает «желание» знать, а не «желание» повлиять на кого-либо таким образом, чтобы заставить его сделать так, чтобы мы знали». Это, во-вторых, то, «что связывает настоящие вопросы с вопросами, обращенными к самому себе, или так называемым медитативным вопросам типа «Интересно, что случилось?»» [4].

О том, что в основе организации ФСП интеррогативности лежит синтаксическая категория, свидетельствует и тот факт, что вопросительные высказывания организуют не только ядро, но и принимают самое активное участие в структурировании периферии ФСК. К ядерным компонентам относятся собственно интеррогативные высказывания, реализующие первичную функцию – функцию запроса, то есть такие, в которых форма и значение совпадают (соблюдающие принцип изоморфизма). Их структурная организация представлена разнообразными типами простых и сложных предложений, из которых наиболее частотна и общеупотребительна модель простого двусоставного предложения:

- *Да им совсем не нужно понимать нашу беседу, – промолвил Базаров.*

- *О ком вы говорите? – вмешалась Евдоксия.*

- *О хорошеньких женщинах (И.С. Тургенев. Отцы и дети, XIII).*

Периферия ФСП интеррогативности неоднородна. Ближняя периферия представлена синтаксическими конструкциями с нарушением принципа изоморфизма в плане выражения (форме): побудительными предложениями (приказ или просьба совершить

речевое действие): *Скажите мне, кто ваш друг, повествовательными предложениями, констатирующими волю говорящего получить ту или иную информацию: Я хочу знать, кто вы.*

Особый случай составляют собственно ВП, употребленные во внутренней речи. В подобной ситуации они направлены не столько на узнавание нового, сколько представляют собой попытку организовать и упорядочить речемыслительную деятельность, причем адресатом и адресантом будет одно и то же лицо:

- *Неужели я был такой? – думал Нехлюдов, продолжая свой путь к адвокату. – Да, хоть не совсем такой, но хотел быть таким и думал, что так и проживу жизнь (Л.Н. Толстой. Воскресение, 2, X).*

Специфическая природа КИ и образующей ее полевой системы языковых средств и значений выражается в многочисленных взаимодействиях с другими системными интеграциями (побуждение, волеизъявление, оценка, эмотивность), включающимися под определенным углом зрения в сферу интеррогативности или обнаруживающие с ней зоны частичного наложения, пересечения. Употребление вопросительных конструкций в несвойственных им функциях ведет к нарушению принципа изоморфизма в плане содержания и «отбрасывает» их на дальнюю периферию ФСП интеррогативности. Прежде всего к ним следует отнести:

- риторические вопросы (как во внешней, так и внутренней речи, чья формальная сторона противоречит реальному смыслу):

- *«Из чего я боюсь, из чего я хлопочу в этой узкой, замкнутой рамке, когда жизнь, вся жизнь со всеми ее радостями открыта мне?» – говорил он (Болконский. – А. Л.) себе. И он первый раз после долгого времени стал делать счастливые планы на будущее (Л.Н. Толстой. Война и мир, II, 3, XIX);*

- конструкции, в которых выражено побуждение к действию:

- *Погода к вечеру стала лучше, – сказал он. – Куда же мы теперь пойдём? Не поехать ли нам куда-нибудь?*

- *Она ничего не ответила (А. Чехов. Дама с собачкой).*

В таком случае имеет смысл говорить о нейтрализации семантики интеррогативности и актуализации других компонентов значения в зависимости от коммуникативной направленности высказывания, от объективных и субъективных условий речевого

акта. По мнению Н.А. Печниковой, «вопросительная структура является многофункциональной, достаточно гибкой и, оказываясь в разных коммуникативных условиях, в отношении цели высказывания может не просто трансформироваться в другой тип, а приобретать дополнительные оттенки, демонстрируя богатство переходных структур» [5].

При определении отнесенности вопросительного высказывания к ядру или периферии поля интеррогативности следует учитывать степень выражения категориального значения, форму ее представления, прагматическую установку говорящего в коммуникативной ситуации. Синтаксическая структура категории интеррогативности, организованной по принципу поля, характеризуется фундаментальными признаками: имеет собственную синтаксическую единицу – вопросительное предложение – для выражения интеррогативной семантики; четкое противопоставление ядра и периферии, основанное на разграничении первичных и вторичных функций; инвариантным значением для всех компонентов ядра и ближней периферии является значение запроса; взаимодействие с другими ФСП.

Во-вторых, положительный ответ на первый вопрос требует ответа на следующий: к какому структурному типу относится ФСК интеррогативности?

Известно, что все классифицированные ФСК относятся либо к моноцентрическим, либо полицентрическим. Моноцентрической считается такая ФСК, в центре которой находится определенная грамматическая категория (например, аспектуальность), а полицентрической – где эти условия не соблюдаются (например, таксис). Синтаксическая категория относится к разряду грамматических категорий, структурообразующим компонентом которой выступает тот или иной конкретный коммуникативный тип предложения. Тем самым мы считаем, что категория интеррогативности представляет собой моноцентрический структурный тип поля. Это подтверждается и тем неоспоримым фактом, что вся система разноуровневых средств выражения вопросительного значения (вопросительная интонация, лексико-грамматические компоненты) реализуется только в интеррогативном высказывании.

На фонетическом уровне средством создания интеррогативности выступает интонация. Не относясь к формализованным средствам языка, она распространяется на всю категорию, играя разную роль в организации

вопросительной семантики. В тех случаях, когда участвуют эксплицитные компоненты выражения интеррогативности, интонация выполняет сопутствующую функцию (1), тогда же, когда задействованы периферийные или имплицитные средства, на нее ложится основная структурообразующая нагрузка (2):

1) *Как вы узнали?* – удивился я. – Я ведь об этом никому не рассказывал.

- Не беспокойтесь, я тоже не расскажу никому (В. Войнович. Москва 2042).

2) *Кутузов стоял на том же месте и, не отвечая, доставал платок. Из щеки текла кровь. Князь Андрей протеснился до него.*

- *Вы ранены?* – спросил он, едва удерживая дрожание нижней челюсти.

- Рана не здесь, а вот где! – сказал Кутузов, прижимая платок к раненой щеке и указывая на бегущих (Л.Н. Толстой. Война и мир, 1, 3, XVI).

Интонационный рисунок вопросительных высказываний дифференцируется в зависимости от типа предложения, но есть общие признаки, которые позволяют отличить вопрос от других коммуникативных типов (Общеизвестна типология интонационных конструкций, описанная в «Русской грамматике»-80 [6]).

Естественно, интонационные потенции речевого акта реализуются в устной, звучащей речи. В письменном тексте мы можем только догадываться о том или ином типе интонационного оформления. И здесь нам на помощь приходят другие средства языкового выражения семантики интеррогативности, а также то, что в современной лингвистике называют «положением дел».

На лексико-грамматическом уровне интеррогативное значение также формируется в виде полевой структуры. Ядро и периферию составляют лексемы со значением познания, которое осуществляется в три этапа: от незнания через узнавание к знанию (категория неизвестности подробно описана у О.Б. Акимовой [7]). Именно промежуточный компонент в данной триаде (узнавание, чью сему можно определить как «запрос информации») лежит в основе семного структурирования интеррогативного высказывания. Поэтому к ядерным компонентам будут относиться те лексические единицы, в которых сема «узнавание» выражена эксплицитно.

Структура ядра, представленная различными компонентами, несет в себе различные стороны лексико-грамматической репрезентации категории интеррогативности. Отсюда и дифференциация роли лексических

единиц в структурировании интеррогативного высказывания. В организации ядра участвуют такие составляющие, как вопросительные местоимения и наречия, вопросительные частицы, глаголы и идиоматические сочетания, обозначающие активные познавательные процессы, отдельные группы существительных, наречий и слов категории состояния (интересно, интерес), т. е. лексемы, в семантике которых уже «заложено» интеррогативное значение – сема «запрос информации».

Ядро ЛСК интеррогативности состоит из сегментов, каждый из которых формируется по своим собственным правилам. Но объединяющим моментом выступает прагматическая установка на выяснение неизвестного, на преодоление препятствий на пути получения знания.

Первый сегмент представлен вопросительными местоимениями и наречиями:

- *Кто* тебя просил трогать мои вещи? – сказал вошедший в комнату Володя, заметив расстройство, произведенное мною в симметрии разнообразных украшений его столика. – *А где* флакончик? Непременно ты... (Л.Н. Толстой. Отрочество, V);

второй – вопросительными частицами:

- *Нет*, я про себя первого скажу, что я встречал людей, которых признавал умнее себя, – сказал Нехлюдов.

- *Не может быть*, – отвечал я с убеждением.

- *Неужели* вы в самом деле так думаете? – сказал Нехлюдов, пристально взглядываясь в меня.

- *Серьезно*, – отвечал я. (Л.Н. Толстой. Отрочество, XXVI);

третий – глаголами и идиоматическими сочетаниями:

Я подошел к Дубкову и спросил его, много ли он протанцевал вальсов с ней (Л.Н. Толстой. Отрочество, XXXIX);

четвертый – существительными, наречиями, словами категории состояния и некоторыми другими частями речи:

Папа читал что-то и на вопрос мой: «Бывают ли синие зайцы?», не поднимая головы, отвечал: «Бывают, мой друг, бывают» (Л.Н. Толстой. Отрочество, XI).

Что касается организации периферии ЛСК, то, по нашему мнению, она формируется практически всем лексическим составом языка: в определенных коммуникативных условиях любое слово может нести запрос информации.

К ближней периферии относятся лексемы со значением активной познавательной

деятельности (т. е. с таким же, как и у ядерных компонентов, но в отличие от которых сема «запрос информации» выражена имплицитно и проявляется только при определенном положении дел в особым образом лексически организованной изъяснительной придаточной частью: *вспоминать, совещаться, спорить, советоваться, искать, обращать внимание, следить, наблюдать, караулить, оглядываться, осматриваться, понимать*:

Тарелкин. Ты *понимаешь ли*, верный друг Мавруша, какую я бессмертную штуку играю?

Мавруша. *Чего?*

Тарелкин. *Нет – никогда твой чухонский мозг этой высоты не поймет...* (А. Сухово-Кобылин. Смерть Тарелкина, I, 2).

Универсальным компонентом, вводящим вопросительное высказывание, является лексема «сказать» и члены ее парадигмы:

- *Вы, верно, знаете, отчего я ушел?* – *сказал я.*

- *Может быть*, – ответил он (Л.Н. Толстой. Юность, XVI).

Лексемы, сема «запрос информации» которых очень слаба и реализуется только при комбинации с эксплицитными интеррогативными показателями, «расположились» на дальней периферии. В конструкции с прямой речью, где прямая речь оформлена в виде вопросительного предложения, вводящие лексемы представлены глаголами речи / мысли или какими-то другими, смежными с ними в данной ситуации, словами или словосочетаниями. Например:

- *Мне, однако ж, сказывали*, – скромно заметил Чичиков, – *что у вас более тысячи душ.*

- *А кто это сказывал?.. последние три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный куш мужиков.*

- *Скажите! И много выморила?* – *воскликнул Чичиков с участием.*

- *Да, снесли многих* (Н. Гоголь. Мертвые души, I, 6).

Другую группу слов составляют лексемы, интеррогативная семантика которых реализуется в неместоименных предложениях:

- слова с утвердительным значением:

Екатерина Дмитриевна удивленно подняла брови.

- *Правда, не нравится? Какая досада. А в нем так удобно...* (А.Н. Толстой. Хождение по мукам, I, 8);

- частицы с утвердительным значением:

«*Да не это ли – тайная цель всякого и всякой: найти в своем друге неизменную физиономию покоя, вечное и ровное течение чувства?..*» (И. Гончаров. Обломов, 2, VI);

- модальные слова потенциального и подтвердительного значения:

Муромский. *Что за суматоха такая; никак, приехал кто? Пойдем ко мне* (А. Сухово-Кобылин. Дело, I, 5);

- слова с конкретным лексическим значением:

- *Так что же такое было та высота, с которой я смотрел на них? Мое знакомство с князем Иваном Ивановичем? Выговор французского языка? Голландская рубашка? Ногти? Да уж не вздор ли все это? – началось мне глухо приходить иногда в голову...* (Л.Н. Толстой. Юность, XLIV).

Особая ниша в обширной морфологической структуре поля интеррогативности принадлежит служебным словам, или, по крайней мере, одному из их типов – союзам с разделительной семантикой (или, либо):

«*Кто из нас обоих сумасшедший?*» – *думал он* (Андрей Ефимыч. – А. Л.) *с досадой. – Я ли, который стараюсь ничем не обеспокоить пассажиров, или этот эгоист, который думает, что он здесь умнее и интереснее всех, и оттого никому не дает покоя?*» (А. Чехов. Палата № 6, XIII).

В альтернативном типе вопросительного предложения именно эти союзы совместно с интонацией и дополнительными лексическими средствами участвуют в организации вопросительной конструкции.

Связи между конституентами поля наиболее тесны в ядерной части и ослабляются по направлению к периферии. Этот переход осуществляется постепенно, вычленяется ряд периферийных зон, в разной степени удаленных от ядра и с разными возможностями реализации значения интеррогативности.

В-третьих, к какому типу ФСП по признаку системных связей отнести ФСП интеррогативности? Ответ на этот вопрос представляется нам наиболее сложным и неоднозначным. Это связано с тем, что категория интеррогативности «слишком коммуникативна», по выражению С.Г. Ильенко. Эта «излишняя» коммуникативность проявляется в том, что в вопросительных высказываниях реализуется весь огромный спектр человеческих потенциалов, связанных с модальной оценкой положения дел, «устремленностью» на адресата, желанием, с одной стороны, получить новую информацию и, с другой стороны, желанием показать, какой информацией

владеет адресант и т. д.

Классификация, представленная в трудах А.В. Бондарко, не позволяет отнести нашу категорию к какому-то определенному типу [8]. Причина этого – в сложном характере взаимоотношений разнородных семантических компонентов, «переплетенных» в одной понятийной категории.

Во-первых, интеррогативность (вопросительность), по мнению большинства исследователей, является одним из компонентов модальности предложения. В этом случае ФСП интеррогативности следует относить к ФСП с предикативным ядром. Кроме модальности к данному типу относится и ФСП персональности. В значении вопросительного высказывания реализуется значение персональности, ведь любое высказывание имеет своего отправителя.

Во-вторых, интеррогативная конструкция формирует коммуникативную перспективу высказывания, нацеленную на устранение неопределенности и неизвестности. А это требует реализации определенных субъектно-объектных отношений, т. е. налицо признаки ФСП с субъектно-объектным ядром.

В-третьих, вопросительная конструкция несет в себе определенную долю информации, что в некотором роде сближает их с повествовательными бытийными высказываниями, участвующих в формировании категории бытийности, относящейся к ФСП с предикативно-обстоятельственным ядром.

Мы считаем, что по своей сути ФСП интеррогативности является ФСП смешанного (интегративного) типа, в котором проявляются признаки нескольких ФСП. Иначе говоря, ФСП интеррогативности находится в зоне пересечения нескольких ФСП, а категория интеррогативности участвует в организации семантического пространства категорий модальности, коммуникативной перспективы высказывания, определенности-неопределенности, персональности, субъектности, бытийности, побудительности. Опять же, большая или меньшая зона пересечения с другим полем зависит от конкретной коммуникативной обстановки, от того, каково намерение говорящего и чего он ждет от адресата.

В истинном вопросительном высказывании выделяются два семантических блока: один несет в себе информацию об известном (пересечение с категорией бытийности), другой – о неизвестном (пересечение с категорией неопределенности). Именно эта неопределенность формирует коммуникативную перспективу интеррогативного высказывания

ния, создающуюся с определенной целью и направленную на адресата. Кроме этого, высказывается модальная оценка ситуации:

- *Вы имеете понятия о страданиях?*

Позвольте: вас в детстве секли?

- *Нет, мои родители питали отвращение к телесным наказаниям* (А. Чехов. Палата № 6, X).

Адресант на собственном опыте знает, что дети могут подвергаться физическому насилию со стороны родителей, осуждает это и обращается к конкретному адресату с вопросом о его детстве, ответ на который определяет дальнейшую стратегию диалога.

Если вопросительная конструкция функционирует в качестве риторического вопроса, то ее семантика «тяготеет» к бытийным эмоционально окрашенным высказываниям, направленным на определенного адресата и передающим субъективное отношение говорящего к сложившейся ситуации:

- *Какое вы имеете право кричать?* – *сказал я, чувствуя, что он меня оскорбляет, и начинал сам сердиться* (Л.Н. Толстой. Юность, XVI).

Подводя итог нашим рассуждениям, еще раз подчеркнем, что категория интеррогативности – полевая моноцентрическая организация с синтаксической категорией в качестве ядра, по признаку системных связей относящаяся к категориям смешанного типа.

УДК 811.161.1'367.635

Мартынова С.А.

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИЧИННОЙ СЕМАНТИКОЙ: СОДЕРЖАНИЕ, ПОСТРОЕНИЕ, МОДАЛЬНОСТЬ*

Аннотация. В статье рассматривается бессоюзное сложное предложение с причинной семантикой, описывается содержание, построение, субъективная модальность данных конструкций, представлены их группы в зависимости от лексического содержания и структуры.

Ключевые слова: сложные бессоюзные предложения, причинность, следствие, мотивация, смысловая валентность, импликатура смысла, видо-временной план глаголов-сказуемых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Малахова О.А. Функционально-семантическое поле вопросительности в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2005. – 146 с.
2. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. – Л., 1988. – С. 120.
3. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л., 1976. – С. 15.
4. Вежицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М., 1985. – С. 261.
5. Печникова Н.А. Коммуникативные функции вопросительных инфинитивных предложений: Дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 1995. – С. 9.
6. Русская грамматика. Т. 2. – М., 1980. – С. 99-122.
7. Акимова О.Б. Семантика неизвестности и средства ее выражения в русском языке. – М., 1999. – 169 с.
8. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002. – С. 315.

A. Loginov

STRUCTURE AND SYSTEM STATUS CATEGORY OF INTERROGATIVITY

Abstract. The article deals with field organization functional and semantic category interrogativity, which is defined as monocentric category of the mixed type.

Key words: interrogative sentence, interrogativity category, functional-semantic field interrogativity, core and periphery of the field, monocentric type of functional-semantic category.

* © Мартынова С.А.